

— Князь Мин! Князь Мин, что случилось?

— Эй, кто-нибудь!

— Суй Инь, старшая сестрица, скорее иди сюда!

Служанки побледнели от страха и, подняв подола, спешно сошли со ступеней, подскочили к Фэн Мину и, словно пять разноцветных облаков, окружили князя.

Суй Инь, услышав крик, немедля выскочила на улицу.

Лежащий в снегу юноша совершенно не почувствовал боли от падения. Увидев, что служанки окружают его, он поспешил успокоить их:

— Ничего не случилось, плохо держал поводья и сунул ногу в стремя. — Бормоча это, князь поднялся с земли, отряхнул с одежды снег и обратился к Суй Инь: — Не нужно говорить учителю, зря только встревожим достопочтенную женщину.

Бледная Суй Инь, увидев перед собой улыбчивого князя, разжала держащиеся у груди руки и, ещё охваченная страхом, вздохнула, покачав головой:

— Прошу князя Мина в следующий раз быть осторожным, когда будете ехать на коне. А если с Вами случится что-то плохое, как Суй Инь объяснит это господину советнику? — Вытянув руку, девушка тщательно помогла смахнуть приставшие к волосам князя снежинки.

Войдя в ворота, князь тотчас отыскал вдовствующую императрицу и, рассказав о том, что произошло в зале заседаний, специально спросил:

— Учитель, скажите: это странно? Все пленные твердят одно и то же, говоря, что являются не солдатами Бэйци, а лишь простолюдинами Бэйци. По-моему, они не лгут; даже если кто-то, не боясь пыток, откажется давать показания, вряд ли несколько десятков военнопленных посмотрят на смерть как на возвращение домой [1], верно?

«Вам необходимо мне сказать, какой, в конце концов, план у Жун Тяня».

Женщина, спокойно любуясь дунфаньской живописью, которую прислал вместе со слугами господин советник, безразлично ответила:

— Что ж тут странного? У Бэйци к Дунфань уже давно недобрые намерения, и сейчас, когда только удалось уничтожить беспорядок, устроенный советом цзиши, народ в тревоге, политическое положение также нестабильно, император Бэйци в самое время устраивает засаду, чтобы атаковать Пинси. Что же касается этих военнопленных, то они боятся, ведь их

могут уничтожить, стоит им обнажить истинный облик, потому, конечно же, каждый из них твердит, что является простолюдином Бэйци. Вообще говоря, военные не имеют права без всякой причины и повода уничтожать безоружных простолюдинов, если только не на поле боя.

Заметив, что Её Величество держит рот закрытым, подобно закупоренной бутылке [2], Фэн Мин почувствовал крайнюю неловкость и, поглаживая нос, вернулся к себе в комнату, где мигмом расправился с солёной выпечкой, которую подала Суй Инь, после чего хмуро проговорил:

— Надоело до чёртиков, у всех полно тайн, и никто не собирается их раскрывать. У меня что, так много клеток мозга, в которых вращается куча механизмов? Хорошо, я не стану допытываться, захотят — сами расскажут. Так или иначе, умру здесь, и никто не расстроится.

«Как не стыдно Жун Тяню говорить, что он уже рядом. Несколько дней прошло, а я даже тени его не увидел; прислал сообщения с безрассудным содержанием и не знает, что здесь кое-кто беспокоится за него, да так, что скоро все внутренности лопнут».

Чем дольше князь думал, тем больше страдал, даже глаза покраснели.

Суй Инь испугалась:

— Князь Мин, что случилось?

На что Фэн Мин, скрежеща зубами, процедил:

— Я лишь подумал, что не знаю, где находятся кости этого Жун Тяня.

Суй Инь с сочувствием взглянула на князя, мягко говоря:

— Несколько дней назад заметив, что князь Мин пребывает в хорошем расположении духа и сосредоточенно исполняет военные дела, вверенные государем, Суй Инь радовалась в душе, что князь Мин наконец-то забыл этого человека. Так почему же сегодня внезапно о нём вспомнили? Господин советник приказал ни в коем случае не позволять князю Мину переживать, так как переживания вредят здоровью. Суй Инь действительно никчёмная, не знает, как развеселить князя Мина.

Услышав её мягкое щебетание, князь в сердцах растрогался и, отвернувшись, проговорил:

— Со мной всё хорошо, не волнуйся. Димсам очень вкусный, есть ещё?

— На кухне есть, я сейчас ещё подам тарелочку димсама, только сначала подогрею, ведь он вкусней, когда горячий. — Заметив, что Фэн Мин успокоился, Суй Инь улыбнулась и, словно

лёгкий ветерок, выскочила из комнаты.

Князь, увидев, как силуэт девушки исчезает за занавеской, поднялся на ноги, потянулся всем телом и посмотрел на великолепное яркое солнце, что было за окном.

Когда уезжал из Силэй, трава тогда уже высохла до желтизны, а уныние, царящее на берегу реки Оман, разбилось от копыт коней многочисленного войска Силэй.

Однако сейчас царствовала зима, а дунфаньская зима действительно, в сравнении с силэйской, была морознее.

Сегодняшнее солнце светило особо ярко, создавая иллюзию ранней весны.

«Жун Тянь, твой план уже потихоньку начал осуществляться? Что же там, в конце концов, скрыто, и почему ты не позволяешь мне узнать эту тайну? Поверить не могу, что прожито столько печалей и радостей, а между нами всё ещё есть тайны».

Солнечные лучи мерцали в глазах, Фэн Мин поднял голову, обнаруживая, что перед взором стремительно потемнело. Ночь? Так скоро?

В комнате раздался грохот, словно упало что-то тяжёлое. Вскоре Суй Инь, держа только что разогретый на пару димсам, появилась на пороге.

— Димсам подан, князю Мину нельзя... А! Князь Мин! Скорей сюда, кто-нибудь, князь Мин лишился чувств!

Хрупкое нефритовое блюдо, на котором лежал димсам, выскользнуло из рук служанки и со звоном расколосось, упав на пол.

Фэн Мин на этот раз пробыл без сознания намного дольше, нежели в обычный зимний день.

Князя время от времени знобило, даже будучи укрытым большим толстым ватным одеялом, юноша то и дело дрожал от холода, лицо крепко спящего искажалось, отчаянно показывая шелковинку боли.

Император Дунфань лично приказал придворному лекарю позаботиться о здоровье князя. Генерал Цан Янь дважды наносил визит, приказывая Суй Инь внимательно ухаживать за господином, но из-за огромного количества военных дел мужчина ненадолго оставался рядом с Фэн Мином, после чего спешно уходил.

А однажды, когда князь только заболел, Цзюнь Цин, улучив момент, пришёл к нему.

Цзюнь Тин же не появлялась, и это ничуть не удивляло.

Лу Дань, похоже, тоже серьёзно заболел и несколько раз отправлял своих слуг, чтобы те от его имени навестили Фэн Мина, вот только сам господин советник так и не появился в покоях князя.

Мать-императрица, не находя себе места, лично заботилась о Мин-эре, отказываясь от помощи других слуг, но князю лучше не становилось, и женщина была вынуждена в итоге попросить аудиенции императора Дунфань, где потребовала покинуть дворец, чтобы собрать лекарственных растений, которые помогли бы вылечить юношу.

Пребывая без сознания, Фэн Мин попал в собственные кошмары, слишком высокая температура и слабый организм вместе влияли на мир сновидений, заставляя князя от боли выкрикивать и бормотать.

Где Жун Тянь? Где он?

Князь смутно замечал, что находится на поле боя. От полустгоревшего боевого знамени исходил слабый, пахнувший войной дым. Морозный ветер пронизывал тело, словно стальной клинок. Всюду лежали отсечённые конечности и проливались реки крови.

Босыми ногами ступая в большие и малые, наполненные алой кровью, лужи, Фэн Мин, словно раненое животное, искал Жун Тяня.

Где? Где ты?

Стоя на коленях и утопая в крови, князь горько плакал, в глазах не было ничего другого, только ярко-алая кровь.

Где ты?

Юноша понимал — это дурной сон, но не мог проснуться. Повсюду на пустынной равнине лежали трупы, которые вмиг превратились в непогребённые кости. Он понимал — это дурной сон.

— Где ты? Где? — юноша часто и громко звал, непрерывно плача и вновь крича, а лоб был покрыт холодным потом.

— Здесь, я здесь, — голос Жун Тяня раздался вдалеке и был еле слышим.

Фэн Мин бросился туда, откуда доносился звук:

— Жун Тянь, ты где? Ответь мне, где ты?

— Здесь, я здесь.

— Где?

— Здесь, с тобой, только с тобой, — в голосе постепенно слышалось волнение.

Князь в смятении повернулся кругом, озираясь по сторонам, но не было ни души.

— Не вижу, я тебя не вижу! Выйди, покажись!

— Я с тобой, очнись! Открой глаза, Фэн Мин!

В плечах раздалась резкая боль, словно кто-то с силой ущипнул за кожу. Юноша застонал, внезапно вырываясь из страшного мира грёз, и открыл глаза.

Колыхающийся огонёк свечи исчез из поля зрения, а сам князь в подёрнутой дымке разглядел перед собой до боли знакомое лицо.

— Фэн Мин, я здесь. — Сверкающий взгляд чёрных глаз по-прежнему был остр, словно у молодого и сильного тигра, а губы мягко коснулись губ князя, даря успокаивающий поцелуй: — Не бойся, я пришёл. Жун Тянь пришёл.

Примечания:

[1] Обр. в знач.: не бояться смерти; быть отважным, бесстрашным.

[2] Обр. в знач.: держать язык за зубами, строго хранить тайну.

<http://bllate.org/book/13377/1190160>